

ЗАСЛОНКИНА Ольга Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: zaslonkina11@mail.ru

ZASLONKINA O.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after Lukyanov V.V. (Russian Federation, Orel), e-mail: zaslonkina11@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РСКМ – ВЛКСМ И МОЛОДЁЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL CONTINUITY OF ALL-UNION LENINIST YOUNG COMMUNIST LEAGUE AND YOUTH PARLIAMENTARISM IN RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF THE XX CENTURY

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе исторического опыта в становлении и развитии российского молодёжного парламентаризма. Автором исследуется возможность преемственности организации и функций между консультативно-совещательными органами молодых парламентариев постсоветской России и институтами коммунистического союза молодёжи, существовавшего в Советской России и Советском Союзе в 1918–1991 гг. Делается вывод о принципиальных различиях между деятельностью РСКМ – ВЛКСМ и молодёжным парламентаризмом новейшей российской истории. Обосновывается, что они заключаются в несовпадении идеологических установок, организационного строения и функционального предназначения рассматриваемых субъектов. Наряду с этим определенная историческая преемственность постсоветского молодёжного парламентаризма по отношению к коммунистическому союзу молодёжи времен СССР определяется в однотипном юридическом формате деятельности в качестве общественных организаций, а также в выполнении задач формирования кадрового резерва для пополнения рядов политических элит и управленческого аппарата государства.

Ключевые слова: исторический процесс, новейшая история, РСКМ, ВЛКСМ, съезд комсомола, молодёжный парламент, молодёжный парламентаризм, партийно-советская бюрократия, Гражданская война.

Abstract. The article deals with the historical experience of the development of Russian youth parliamentarism. The author examines the possibility of continuity of organization and functions between the consultative and advisory bodies of young parliamentarians of post-Soviet Russia and the institutions of All-Union Leninist Young Communist League in 1918–1991. It is formulated that the fundamental differences between the activities of All-Union Leninist Young Communist League and the youth parliamentarism of recent Russian history. It argues for the idea that they consist in a mismatch of ideological attitudes, organizational structure and functional purpose of the subjects under consideration. At the same time, a certain historical continuity of post-Soviet youth parliamentarism in relation to All-Union Leninist Young Communist League of the USSR is stressed. In conclusion much attention is drawn to the same legal format of activity as public organizations, as well as in the tasks of forming a personnel reserve to replenish the ranks of political elites and the administrative apparatus of the state.

Keywords: historical process, contemporary history, All-Union Leninist Young Communist League, Komsomol, Komsomol Congress, youth parliament, youth parliamentarism, Soviet party-bureaucratic system, civil war.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из дискуссионных вопросов новейшей истории нашей страны, продолжает оставаться проблема формирования отечественной вариации молодёжных консультативно-представительских институтов в постсоветской России, ввиду того что прослеживается определенная взаимосвязь между политическими и общественными институтами позднего советского периода и теми организациями, что создавались в процессе суверенизации Российской Федерации. В данном контексте закономерно возникает вопрос об объективности исторических параллелей между опытом развития советского комсомола и российского молодёжного парламентаризма.

Важные выводы содержатся в работе В. В. Мархина и Н. В. Ушаковой, которые связывают инициирование развертывания системы молодёжного парламентаризма в новейшей российской истории с запросом на эксплуатацию социально-политических ресурсов молодых граждан [6, С. 40–45]. Можно согласиться со сделанными, указанными авторами выводами: с различной степенью эффективности такую стратегию, как во времена СССР, так и в постсоветской России реализовали многие субъекты политической истории – от органов государственной власти, массовой правящей партии периода 1920–1980 гг. до «протестных» движений и парламентских партий периода 1990-х гг. При этом для последних характерно использование архаичных для современного политического процесса методов и практик советской молодёжной политики, которая реализовывалась главным образом через систему организаций Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ). В данном контексте заимствование инструментария молодёжного парламентаризма из сферы молодёжной политики зарубежных европейских государств прямо связывается ря-

дом ученых с неэффективностью воспроизводства массовой государственно-общественной организации социализации молодёжи, которой был комсомол 1920–1960-х гг., в совершенно иную историческую эпоху, то есть в постсоветский период [4, С. 52].

СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДЁЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Исторический процесс в России и в зарубежных государствах отмечен активным присутствием в общественно-политических событиях различных общественных объединений молодёжи. Еще в период традиционного общества социализация молодых людей проходила в рамках, так называемых мужских союзов, мужских домов, воинских братств – половозрастных объединений сверстников, существовавших на протяжении многих столетий практически у всех народов, впоследствии вошедших в состав Древней Руси. Именно их иногда называют первыми протогосударственными объединениями, способствующими выделению сообществ во главе с военными вождями из родоплеменной организации. Среди «мужских союзов» выделялись и молодёжные вариации – подростковые, юношеские, пребывание в которых являлось обязательным этапом для всех будущих полноправных, то есть имеющих право голоса на собраниях, членов родовой или территориальной общины [7, С. 23–28].

Молодёжные корпорации славянского этноса оставались реальностью до эпохи заката традиционного аграрного общества, то есть до XX столетия. Выполняя функции социализации личности, такие структуры не выходили за пределы локальных территорий и не несли каких-либо политических функций, растворяясь среди институтов сословного социума. Аналогом классического «мужского союза» можно считать и древнерусскую дружину, которая, будучи стержнем военно-

политической и управленческой организации русских княжеств, имела в своем составе и специфический молодёжный филиал [3]. Речь идёт о «младшей дружине», состоящей из известных по летописям воинов-слуг – «отроков» и «детских». Причём имеются сведения о вовлечении «младшей дружины» в борьбу за власть на стороне князей в их противостоянии с традиционной воинской аристократией.

Однако выделение молодёжи в самобытную социальную группу, имеющую в числе прочего и специфические социально-политические интересы, приходится на период всесторонней модернизации, апогей которой как в России, так и в индустриально развитых странах Европы и Нового Света приходится на XX столетие. Именно в указанную эпоху принципиально меняется традиционная социальная структура, разрушаются территориальные общины и сословия. В результате молодёжь, оказавшись в ситуации политико-экономических катаклизмов, лишается устоявшейся системы патронажа и социализации, которая ранее в течение столетий позволяла молодым поколениям достаточно органично интегрироваться в общественно-политические отношения. Ответом на вызов времени в XX столетии начинается включение молодёжной проблематики в идеологические программы политических партий и массовых общественных движений. Впоследствии молодёжная политика становится одним из направлений стратегического курса правительств национальных государств, вследствие чего в практике демократического процесса появляется такое явление, как молодёжный парламентаризм. Первые его прообразы появились в США в 1910–1916 гг. на основе общественных дискуссионных клубов.

В Советской России, а затем и в СССР молодёжная политика развивалась, прежде всего, через организации коммунистического союза молодёжи (РКСМ, затем – ВЛКСМ),

образованного в октябре-ноябре 1918 года на съезде союзов рабочей и крестьянской молодёжи. Последние стали возникать ещё в обстановке революционного подъёма 1919 года, причём наряду с молодёжными социалистическими организациями молодых рабочих и крестьян-батраков, примерно до 1920 года продолжали действовать клубы и объединения учащейся молодёжи, структурированные в Союз коммунистов-учащихся. Высшим органом работы РКСМ – ВЛКСМ в 1920-х – начале 1930-х гг. являлись съезды и конференции, как общенационального масштаба, так и проводившиеся на губернском и уездном уровнях. Именно съезды комсомола можно с определенным допущением назвать прообразом современной отечественной модели молодёжного парламентаризма, которая реализуется в Российской Федерации в постсоветский исторический период. Всего таких всероссийских/всесоюзных съездов за период с 1918 по 1991 год прошло 22, причём подавляющее большинство из них пришлось на первые годы советской власти, отмеченные революционной романтикой периоды «военного коммунизма» и «новой экономической политики». Со временем такая форма прямой демократии, как съезды (как партийные форумы и съезды советов, так и комсомольские собрания общенационального масштаба), превратились в формальные мероприятия, полностью подконтрольные политическому курсу правящей партocrратии.

Появление современных форм молодёжного представительства в Российской Федерации приходится на период ее новейшей истории конца 1980-х – начала 2000-х гг. Попытка построения либеральной демократии российского образца предусматривала вовлечение молодёжи в происходящие социально-экономические процессы через эффективный формат взаимодействия между молодым поколением и государственными властями всех уровней и местным само-

управлением. В качестве такового был избран институт молодёжного парламентаризма, во второй половине XX столетия получивший развитие в государствах Европейского союза и в странах Северной и Южной Америки. Причём с момента своего создания молодёжный парламентаризм приобрёл значение института международной политики, будучи избран атлантическими державами в качестве инструмента «демократического транзита» и распространения по всему миру либеральных ценностей глобального капитализма.

МОЛОДЁЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

К концу эпохи Холодной войны наибольшую известность получили такие организации, как Международная молодёжная палата и Европейский молодёжный парламент. Причём первая из названных организаций была с момента своего создания в 1949 года тесно аффилирована с крупным американским капиталом, будучи проводником интересов США в странах «третьего мира», в первую очередь в регионе Латинской Америки. Начиная с 1992 года её филиал начал действовать и в Российской Федерации.

Европейский молодёжный парламент был учреждён в 1987 году в первую очередь как развитие международного образовательного проекта. Его национальное отделение в России с 2004 года зарегистрировано на базе Российского университета дружбы народов. Нормативной основой молодёжного парламентаризма в новейшей истории стала принятая в 1992 году Европейская хартия об участии молодёжи в региональной и муниципальной политике, переработанная в 2003 году. В её содержании властям государств – членов «единой Европы» прямо предписывалось обеспечить молодёжи участие в работе политических партий и неправительственных организаций, а также создать условия для привлечения молодых кандидатов в избирательный процесс регио-

нального и муниципального уровней. Основным субъектом социально-политической активности молодёжи Хартия провозгласила представительские структуры в форме молодёжных советов, парламентов или форумов, различия между которыми не были прописаны в данном документе.

Исторический опыт развития молодёжного парламентаризма в зарубежных странах показывает, что практически ни в одной из них рассматриваемый институт не смог обрести статуса самостоятельного политического представительского института. Молодёжные парламенты в странах Европейского союза в 1990-е – начале 2000-х гг. действовали в двух основных вариациях: в качестве клубов молодёжных активистов при законодательных органах власти либо как одна из форм общественных организаций, создаваемых, прежде всего, в рамках общественно-политической деятельности студенчества [8, С. 158–161].

Деятельность такого субъекта, как Международная молодёжная палата, в период Холодной войны и последующих событий должна рассматриваться в контексте международной информационно-психологической борьбы второй половины XX столетия. Не вызывает сомнений, что попытки развертывания сети формально негосударственных организаций, действующих под эгидой рассматриваемой молодёжной палаты в развивающихся государствах, служили целью формирования у молодёжи идейно-политических установок и убеждений, отвечающих замыслам идеологов геополитической экспансии атлантизма в годы противостояния с советским военно-политическим блоком и в период постбиполярности. В данном контексте весьма обоснованными представляются тезисы, согласно которым молодые поколения оказываются наиболее уязвимыми категориями в условиях переломных периодов отечественной и мировой истории.

Именно в такие эпохи борьба за политическую власть стремительно преобразуется при помощи внедрения всё более эффективных технологий и приёмов давления на социальные группы и каждого участника общественно-политических процессов [9, С. 129–132].

В постсоветской истории России формирование молодёжного парламентаризма также проходило под очевидным влиянием сложившейся в период распада СССР политической и идеологической конъюнктуры – в 1991 году, когда на закате существования СССР было принято законодательство об общественных объединениях, что знаменовало собой завершение монополии Всесоюзного коммунистического союза молодёжи на представительство интересов молодых соотечественников. Согласно действующим вначале 1990-х гг. нормативным актам, создание молодёжных общественных объединений, как и всех других институтов гражданского общества, носило уведомительный регистрационный характер.

В то же время в соответствии с концептом либеральной политической демократии, модель которой насаждалась в ранний постсоветский исторический период в России, молодёжное движение было лишено регулярной и системной государственной поддержки. ВЛКСМ официально прекратил свое существование осенью 1991 года, а организации, пытавшиеся выступить в качестве преемников коммунистического союза молодёжи, не обладали необходимыми ресурсами и покровительством политических элит.

Действительно, при сравнении практики и специфики деятельности комсомольских организаций и институтов молодёжного представительства, возникших в период постсоветской истории, выделяются как общие, так и особенные параметры их организационного строения и функциональной практики. Впервые, РКСМ – ВЛКСМ являлся массовой общественной организацией, охватывая

большую часть социально активной молодёжи и практически все категории молодых граждан – от студентов и учащихся до рабочих, колхозников, военнослужащих, интеллигенции. Во-вторых, этот союз находился под постоянным контролем правящей партии и, по сути, являлся ее молодёжным филиалом. В-третьих, деятельность РКСМ – ВЛКСМ была четко идеологизирована и являлась ориентированной (с течением времени всё более и более формально) на утверждение в массовом сознании доктрины коммунистического общества. В-четвертых, коммунистический союз молодёжи обладал организационным единством по всей территории СССР и активно участвовал как в политической борьбе за власть в период Гражданской войны 1918–1922 гг., так и в последовавшей затем борьбе с различными повстанческими антисоветскими движениями, а также в форсированной индустриализации и во всесторонней модернизации общества.

В исторической науке отмечаются попытки высших комсомольских функционеров играть самостоятельную роль в перипетиях внутрипартийного соперничества, что выразилось в действиях выходцев из руководства ВЛКСМ во главе с А. Н. Шелепиным и В. Е. Семичастным в период кризисов власти в конце 1950-х – второй половине 1960-х гг. [1, С. 29–48].

Молодёжные филиалы массовых правящих левых партий называются в качестве катализатора внутриэлитного раскола в зарубежных странах социалистической ориентации. Так, по мнению Н. Вавилова, именно китайский комсомол, вернее, возглавляющие его номенклатурные функционеры к концу XX столетия структурировались в самостоятельную группировку в партийно-политической системе КНР. Причём по своей идеологической направленности таковые являются радикальными реформаторами либерального толка, на протяжении многих

лет ориентированные на Демократическую партию США и оппонирующие идее российско-китайского геополитического союза [2, С. 71]. Принимая во внимание отмеченный факт, становится более понятной идейная мимикрия бюрократического руководства бывшего ВЛКСМ последних лет существования советского комсомола. Очевидно, что, как и для их коллег из Коммунистического союза молодёжи Китая, новым поколениям управленцев к 1970–1980 гг. оказались далеки принципы социалистической справедливости, а символы и лозунги времен борьбы за советскую власть воспринимались ими как пропагандистские клише, имеющие практическое значение, прежде всего, для обеспечения карьерного продвижения в иерархии правящей партии.

В свою очередь, молодёжные парламенты постсоветского периода отечественной истории определяются в качестве кадрового резерва наиболее влиятельных политических партий и государственных и муниципальных управленческих структур. В этом их функции похожи на обязанности по рекрутированию комсомольских кадров в ряды партийно-советской бюрократии. Другим сходством между комсомольскими организациями и молодёжным парламентаризмом постсоветского исторического периода назовём несомненную и далеко не всегда формализованную подчинённость по отношению к правящим политическим элитам.

Однако в начальный период постсоветской отечественной истории имело место спонтанное и опосредованно связанное с федеральной государственной властью становление молодёжного парламентаризма в России. Молодёжные парламенты в указанное время формировались, прежде всего, на региональном уровне, при этом механизмы сотрудничества с представительными и исполнительными органами власти субъектов Федерации носили конъюнктурный и ситуа-

тивный характер.

Как правило, молодёжные представительские институты на рубеже 1980–1990-х гг. наделялись правами общественной организации и соответствовали статусу юридического лица, не имея при этом прямой видимой связи с органами государственной власти. Приведённые примеры соответствуют, прежде всего, опыту национальных автономий – Республики Калмыкия, Удмуртии, Саха-Якутии. Очевидно, что первенство национальных республик в создании структур молодёжного политического представительства может быть объяснено совсем не объективными условиями для формирования гражданского общества в перечисленных регионах России. Наоборот, именно с национально-государственными автономиями исследователи связывают укрепление региональных автократий в период 1990-х гг. Таким образом, обращение формирующихся в республиках Российской Федерации этнократий к практике молодёжного парламентаризма имело под собой стремление подкрепить политику своей суверенизации таким атрибутом, как «молодёжные парламенты».

Отметим, что институционализация квазигосударственности в национальных автономиях, происходившая в новейший период отечественной истории, имела своей целью присвоение как можно большего объёма полномочий региональными элитами, что очевидным образом противоречило концепции российского федерализма.

Для второй половины 1990-х гг. было характерно доминирование центробежного начала в формировании отечественной модели молодёжного парламентаризма. Это выражалось в отсутствии идеологического целеполагания на создание единой нормативной базы политического представительства молодых граждан в общенациональном масштабе. Отсюда мы можем объяснить первенство региональных политических элит

в вопросе институционализации молодёжного парламентаризма. Указанные обстоятельства предопределили эклектическую и многообразную природу стратегий молодёжной политики в различных субъектах Российской Федерации.

Следует указать на противоречивость регионального опыта формирования молодёжного политического представительства. Очевидно, что на данный процесс серьезно и весьма избирательно повлиял фактор внешнего воздействия, а именно обстановка «парада суверенитетов» 1990-х гг. Н. М. Красникова, имея в виду в первую очередь республики Северного Кавказа, в этой связи указывает, что особенности патриархальной культуры и религиозный фактор серьезно затормозили институционализацию молодёжного парламентаризма в данном регионе [5, С. 136–148].

Наиболее обоснованным представляется объяснение неравномерности становления регионального уровня молодёжного политического представительства исходя из дифференциации политического процесса в российских регионах, включая различия между политической культурой национально-государственных автономий. Те из них, где в постсоветский период у власти оказались элиты, так или иначе вовлеченные в процесс модернизации, отличались первенством в формировании молодёжных парламентских структур. Причём таковые рассматривались, скорее, не как институты гражданского общества, а как необходимые атрибуты автономии региональных политических систем, необходимые республиканским этнократиям в качестве дополнительного ресурса в достижении баланса интересов с федеральной властью.

В других национальных автономиях, отличающихся высокой устойчивостью патриархальной политической традиции – республики Северного Кавказа, Восточной Сибири, правящие круги долгое время руководство-

вались архаичными методами управленческой практики. Появление молодёжных парламентов в таких регионах носило запаздывающий и формальный характер, будучи продиктовано уже новой политической конъюнктурой начала 2000-х гг.

Отметим, что концентрация политического запроса на формирование молодёжного парламентаризма как общенациональной системы прослеживается с начала XXI века, что можно увязывать с построением вертикали власти и курса на этатизацию общественно-политических процессов в постсоветской России. В 2002 году при Государственной Думе была учреждена Молодёжная общественная палата. Спустя 10–12 лет молодёжные институциональные структуры действовали в 79 субъектах Российской Федерации.

Молодёжная общественная палата, как и сменивший её с 2008 года Молодёжный парламент при Государственной Думе Российской Федерации, остаётся совещательным, консультативным органом. На протяжении всей постсоветской истории его деятельность велась на общественных, по сути, факультативных началах. Комплектование Молодёжного парламента осуществлялось при помощи кооптации представителей аналогичных региональных консультативных советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Достаточно спорным и противоречивым следует признать одновременное параллельное сосуществование двух федеральных институтов молодёжного политического представительства – Молодёжной общественной палаты и Молодёжного парламента при нижней палате российского парламента. Причём последний по замыслу своих создателей должен был аккумулировать потенциал многочисленных молодёжных политических и общественных организаций, движений,

представленных в регионах страны. Аналогичную роль взяла на себя и Палата молодых депутатов при Совете Федерации российского парламента, ещё больше осложнив задачу создания конструкта отечественного молодёжного парламентаризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что, в отличие от РКСМ – ВЛКСМ, институт молодёжного парламентаризма в постсоветской России на протяжении 1990-х – вначале 2000-х гг. продолжал оставаться в большей мере информационно-пропагандистским проектом. Не будучи связанными, организационно в масштабах всей страны и не обладая единым руководящим или координирующим центром, российские молодёжные парламенты, выступая в качестве консультативных органов или общественных объединений, не смогли добиться статуса частично самостоятельного или автономного субъекта политической истории. При отсутствии чёткой идеологической позиции и при весьма неустойчивой связи с молодёжной средой отечественные сообщества молодых парламентариев в последней четверти XX столетия ограничились ролью кадрового резерва для пополнения региональных или общенациональных политических элит.

Библиография:

1. Александров Д.А., Головач О.А., Васильев Ю.А., Чернобаев А.А. «Обнаружена чрезвычайная засоренность кадров...». Комсомол в контексте «Ленинградского дела». 1949–1953 гг. // Исторический архив. – 2019. – № 5. – С. 29-48.
2. Вавилов Н. Некоронованные короли красного Китая. – М.: Концептуал, 2019. – 155 с.
3. Горский А.А. О составе древнерусской дружины // Российская история. – 2014. – № 6. – С. 26-31.

4. Кочетков А.В. Молодёжный парламентаризм в России: понятие и правовой статус // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 1. – С. 51-57.

5. Красникова Н.М. Государственная молодёжная политика в регионах России: сравнительный анализ инструментов интеграции молодёжи в социально-экономические отношения // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2006. – Вып. 3. – С. 136-148.

6. Мархинин В.В., Ушакова Н.В. Молодёжный парламентаризм в современной России: тенденции и перспективы развития в регионах // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 40-45.

7. Лисюченко И.В. Эволюция двух видов мужских союзов у восточнославянских племен // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 41 (179). – История. Вып. 38. – С. 23–28.

8. Пастухова Л.С. Международный опыт молодёжного парламентаризма // Вестник Саратовского социально-экономического университета. – 2010. – № 2. – С. 158-161.

9. Цыбаков Д.Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 129–132.

References:

1. Aleksandrov D.A., Golovach O.A., Vasil'yev YU.A., Chernobayev A.A. «Obnaruzhena chrezvychaynaya zasorennost' kadrov...». Komsomol v kontekste «Leningradskogo dela». 1949-1953 gg. [«Found an extraordinary contamination of frames ...». Komsomol in the context of the «Leningrad affair». 1949-1953] // Istoriicheskiy arkhiv. – 2019. – №5. – S.29-48. (In Russ.).
2. Vavilov N. Nekoronovannyye koroli krasnogo Kitaya [Uncrowned kings of red China]. – M.: Kontseptual, 2019. – 155s. (In Russ.).

3. Gorskiy A.A. O sostave drevnerusskoy družiny [On the composition of the old Russian squad] // Rossiyskaya istoriya. – 2014. – №6. – S.26-31. (In Russ.).
4. Kochetkov A.V. Molodozhnyy parlamentarizm v Rossii: ponyatiye i pravovoy status [Youth parliamentarism in Russia: concept and legal status] // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2005. – №1. – S.51-57. (In Russ.).
5. Krasnikova N.M. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v regionakh Rossii: sravnitel'nyy analiz instrumentov integratsii molodezhi v sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya [State youth policy in the regions of Russia: a comparative analysis of tools for integrating youth into socio-economic relations] // Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye. Krasnodar, 2006. – Vyp.3. – S. 136-148. (In Russ.).
6. Markhinin V.V., Ushakova N.V. Molodozhnyy parlamentarizm v sovremennoy Rossii: tendentsii i perspektivy razvitiya v regionakh [Youth parliamentarism in modern Russia: trends and development prospects in the regions] // Vlast'. – 2019. – T.27. – № 4. – S.40-45. (In Russ.).
7. Lisyuchenko I.V. Evolyutsiya dvukh vidov muzhskikh soyuzov u vostochnoslavjanskikh plemen [Evolution of two types of male unions among East Slavic tribes] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 41(179). – Istoriya. Vyp. 38. – S. 23–28. (In Russ.).
8. Pastukhova L.S. Mezhdunarodnyy opyt molodozhnogo parlamentarizma [International experience of youth parliamentarism] // Vestnik Saratovskogo sotsial'no- ekonomicheskogo universiteta. – 2010. – № 2. – S. 158-161. (In Russ.).
9. Tsybakov D.L. Bor'ba ideologiy v sovremenном politicheskom protsesse: informatsionno-psikhologicheskii aspekt [The Struggle of Ideologies in the Modern Political Process: Information and Psychological Aspect] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2009. – №2. – S.129–132. (In Russ.).